

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мойка, дом 15, квартира 7. Наше «родовое гнездо», место, где происходило множество событий, так или иначе определивших судьбы моих родных. Все истории, рассказанные в этой книге, все ниточки ведут именно сюда — в просторную квартиру с окнами, смотрящими на Мойку.

В 1925 году здесь поселились мои бабушка с дедушкой со своими маленькими дочками — моей будущей мамой и тетями. Несмотря на то что не так давно закончилась Первая мировая, что порой не хватало еды и самых необходимых вещей, они были здесь счастливы. По сохранившимся письмам и фото тех времен можно представить себе, как выглядела квартира тогда: уютная столовая, аквариум с рыбками, цветы на подо-

Семья Белобровых. В центре — бабушка и дедушка, вокруг — дочери (справа — Ира, сзади — Оля, слева — Вера). 1940 год

конниках, любимый котик, дремлющий на кресле... И, конечно, удивительный вид из окон: река, люди, прогуливающиеся по набережной, величественные императорские конюшни.

А потом началась война. Почти вся семья эвакуировалась из Ленинграда, и в квартире на Мойке поселились срочно приехавшие из Павловска, к которому подступали немцы, родители моей бабушки Екатерины Сергеевны. Хотя «поселились» можно сказать условно — иногда целые дни они проводили в бомбоубежище Эрмитажа. Жизнь, если это можно назвать жизнью, полностью изменилась. Перемены настигли и любимую квартиру. Никакого вида из окон больше не было — взрывной волной выбило все стекла, которые знакомый бабушки заколотил тем, что попало под руку. Вещи распродавались и менялись на еду, мебель жгли, чтобы хоть как-то согреться. Любимого кота, которому до последнего пытались найти еду, пришлось усыпить, чтобы он в мучениях не умер от голода. Из пятерых родных, не покинувших квартиру на Мойке, в живых остались двое. Бабушкины родители, Сергей Иванович и Клеопатра Аристидовна Савиновы, и их маленький племянник Сашенька не пережили блокады.

В 1944 году в Ленинград, на Мойку, 15, вернулись бабушка с дедушкой и их увеличившееся семейство: в эвакуации у них появилась внучка, моя сестра Аня. Стекла вставили, комнаты привели в порядок, и квартира начала постепенно оживать, как и люди, оправляясь от ужасов блокады... А вскоре родилась я, Надя. И здесь уже начинается моя история и моя Мойка, 15. Помню пленных немцев в императорских конюшнях, помню наш школьный двор в соседнем доме и детские игры, да много чего помню, но об этом — позже...

В квартире №7, где прошло мое детство и юность, наша семья жила вплоть до 1970-х. Потом в доме обосновалось генеральное консульство Франции, и всех расселили — так закончилась история «родового гнезда», с которым и у меня, и у всей нашей родни связано столько воспоминаний. А сам

дом стоит и сейчас: после того как консульство перевели в другое здание, там находилась французская школа Андре Мальро. Сейчас, судя по всему, помещения просто пустуют. А ведь дом старый, с историей: в первой половине XIX века в нем жил князь П. В. Долгоруков, автор «Российской родословной книги», немало досаждавший дворянству, — например, у князя М. С. Воронцова он вымогал немалую сумму, чтобы подтвердить его происхождение от старомосковских бояр. А в 1843 году здесь останавливался Оноре де Бальзак, прибывший в Россию для встречи с дамой своего сердца Эвелиной Ганской. Правда, тогда дом был трехэтажный, четвертый этаж пристроили уже во второй половине XIX века. Но мы-то жили на третьем — поэтому вполне может быть, что Бальзак занимал те же комнаты!

Вид из наших окон. 1960-е годы

КАТИНО ДЕТСТВО

Иногда мне кажется, будто я сама застала то удивительное время, когда барышни ходили в длинных платьях, в обязательном порядке учились музыке и имели домашнюю прислугу, будто видела свою бабушку еще девочкой и была знакома со всеми ее друзьями и близкими — настолько живо она рассказывала мне о своем детстве. Помню, как я маленькая заходила к бабушке, которая сидела за письменным столом, читала или писала что-нибудь. Она улыбалась, приобнимала меня рукой, оставляла свою работу и начинала рассказ... Это было целое представление — как она изображала всех в лицах, меняла голос! И я погружалась в совершенно другую эпоху, начало XX века, бабушкино детство и юность.

Девочкой Катя жила в Павловске, со своими родителями и братьями-сестрами, в доме при Павловской обсерватории. Там работал ее отец, Сергей Иванович Савинов, крупный метеоролог-геофизик, основоположник науки о солнце — актинометрии. Семья была большая: Сергей Иванович со своей женой Клеопатрой Аристидовной, которую дома называли просто

Дом для сотрудников обсерватории, Павловск. Начало XX века

Катя Савинова, моя бабушка, в детстве

Бабушка и я. 1950-е годы

Клена, и их пятеро детей, среди которых была и моя бабушка Катя. Детство ее, судя по всему, было веселым и безоблачным: семейные торжества, прогулки в Павловском парке, игры. С юных лет она писала шуточные стихи, у меня сохранилась ее школьная тетрабочка с одним из моих любимых:

Когда в крови горит огонь любви,
И хочешь ты, чтоб страсть твоя погасла,
Прими, мой друг, касторового масла...

А еще Катя всю жизнь рисовала. Я до сих пор рассматриваю ее рисунки, затаив дыхание, и будто вижу маленькую девочку Катю, которая рисует необыкновенными красками и карандашами волшебные картинки — еще не зная, что она не просто рисует, а оставляет в вечности интерьеры, моду, да просто ауру времени своего детства. Знакомит меня, а может быть, и не только меня с другим миром, со своей жиз-

С. И. Савинов, мой прадедушка

Клена Савинова, моя прабабушка

Бабушка Катя, ее сестра Лена
и брат Павлик. 1900-е годы

Моя бабушка Катя и ее сестра Лена в детстве,
в центре — прабабушка Клена,
Павловск. 1900-е годы

Прогулка в Павловском парке. Начало XX века

В парке у обсерватории.
Лена и Катя Савиновы. 1914 год

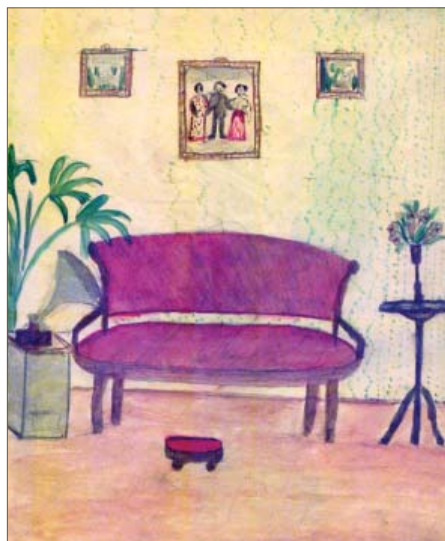
В Павловске.
Лена и Катя Савиновы. 1914 год

нюю. Мне кажется, эти рисунки помогали мне ярче представить то, о чем вспоминала моя бабушка.

Особенно часто она мне рассказывала о дяде Ване — очень веселом человеке, судя по всему, сильно повлиявшем на воспитание своей маленькой племянницы. Когда бабушке было три года, во время обеда всем детям предложили выбрать пирожные, которые они съедят на десерт. Только глазами — руками не трогать. Катя захотела корзиночку с фисташками, которую после трапезы ей и дали. Но коварный дядя Ваня, тогда еще — просто мальчишка, успел Кате шепнуть во время обеда: «Катка, не бери это пирожное, это не фисташки! Это — козявки из носа!» Естественно, Катя за столом громко сказала, что не будет есть это пирожное, потому что там козявки.

Один раз Ваня, тогда двенадцатилетний юноша, пошел с мамой в гости к ее приятельнице, с которой она должна была пообщаться по своим делам. Дамы отправились в другую комнату поговорить, оставив Ваню в гостиной. Хозяйка дома, чтобы мальчик не скучал, поставила перед ним большую коробку конфет, сказав: «Кушай, Ваня!» Когда они вернулись, собрались пить чай и открыли коробку — там не было ни одной конфеты! Так фраза «Кушай, Ваня!» стала крылатой. У нас дома нередко ее произносили и спустя несколько десятков лет, когда дяди Вани давно уже не было в живых.

Еще в Павловске жила тетя Саша. Тетя Саша очень хорошо играла на пианино, она брала уроки у ученика Шопена, любила исполнять его произведения и после рабочего дня часто сама для себя устраивала музыкальные вечера. Обсерваторский дом находился на краю Павловского парка, и публика, которая гуляла неподалеку, приходила послушать ее игру, аплодировала и просила исполнить еще что-нибудь. Тетя Саша, похоже, была скромной и застенчивой, так что на балкон каждый раз под аплодисменты выходил дядя Ваня, раскланивался, делая вид, что это он так виртуозно играл, и спрашивал, что господа изволят еще послушать. Уходил — и тетя Саша продолжала концерт.

Гостиная. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

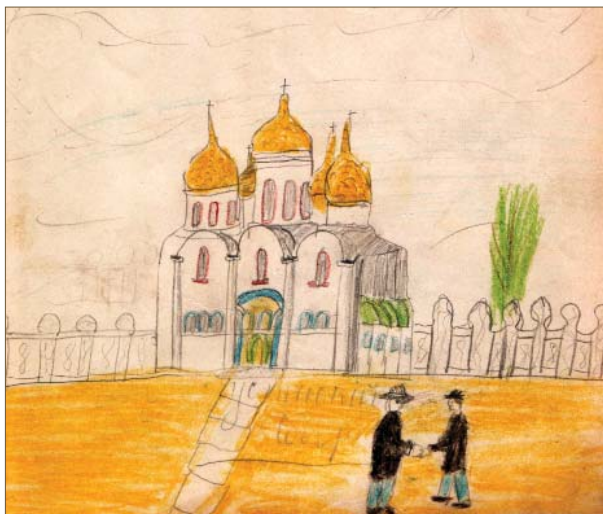
Приглашение на вальс. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

Встреча в саду. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

Столовая. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

Успенский собор. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

Прогулка. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

Дачная идиллия. Рисунок Кати Савиновой. 1909 год

А однажды в Павловский парк пригласили фотографа, чтобы сделать на память общий снимок нескольких барышень. Барышни нарядились, долго усаживались на скамейку, позировали, смотрели в объектив в ожидании, когда «вылетит птичка». И тут подоспел дядя Ваня. На возглас фотографа «внимание, снимаю» он ловко опрокинул скамейку — и на снимке оказались только задранные над ней ноги барышень! К сожалению, этот снимок не сохранился. Вот, пожалуй, и все, что я помню про дядю Ваню, которого никогда не видела, но с которым знакома благодаря своей бабушке. Во время Гражданской войны наш веселый дядя Ваня погиб.

Конечно, Катино детство и юность не ограничивались одним дядей Ваней. Помню, когда мы с сестрами были подростками, бабушка говорила, что мы какие-то унылые и совсем не умеем веселиться, — и рассказывала о том, как раз-

Дмитрий Нездуров, написавший впоследствии книгу о моем прадедушке, и застенчивая тетя Саша, игравшая на фортепиано.
Детский рисунок Кати Савиновой

влекалась она в юности. Они часто собирались с подругами, надевали карнавальные костюмы, пили чай (и никогда — вино!), танцевали, пели, придумывали разные сценки. У нас дома долгое время в большом кованом сундуке, стоявшем в прихожей, хранились старые вещи, в том числе те самые карнавальные костюмы — был даже настоящий грузинский костюм, который я однажды надевала на какой-то костюмированный вечер в школе.

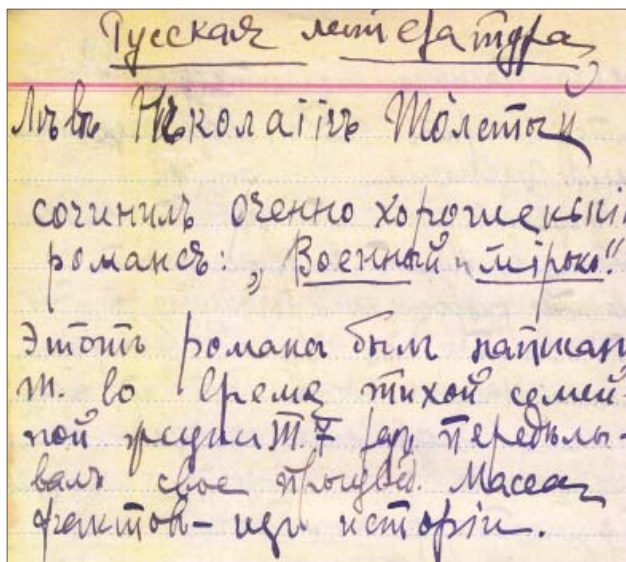
Даже когда бабушка, будучи девочкой-подростком, сильно заболела и вынуждена была не вставать с постели, она не теряла времени даром — попросила купить ей гитару и научилась на ней играть. Много времени она проводила в Павловском парке — в те времена там играли духовые оркестры, прогуливались дамы с кавалерами (те самые, которые слушали игру тети Саши). Летом ребята катались на велосипедах, зимой — на коньках на замерзших прудах.

Веселый маскарад у Савиновых

Катя Савинова, ученица
Царскосельской гимназии.
1915 год

Тетрадь Кати Савиновой по литературе. «Лев Николаевич Толстой написал очень хороше́ный роман “Военный и мирок”»

Именно с коньками связано, быть может, главное событие бабушкиной жизни. Зимой 1911 года, когда Кате было 14 лет, она с товарищами пошла кататься к Оленьему мостику и там познакомилась с семнадцатилетним студентом Морского корпуса Андрюшей Белобровым. Но это сейчас можно взять и познакомиться с кем хочешь! Раньше так было не принято. Катю представил Андрюше его брат Сережа*, который в то время работал в Константиновской метеорологической обсерватории в Павловске, — он уже был знаком с семьей Савиновых.

* Сережа Белобров, который является «виновником» невероятно счастливого брака Андрея и Екатерины, вскоре умер. Это случилось в 1919 году, когда он пытался сохранить архив Онтоловской обсерватории при подходе к Петрограду Юденича и заболел воспалением легких. Похоронен Сергей Белобров в Павловске.

Молодожены Белобровы. 1917 год

Потом Катя с Андрюшей стали видаться и на вечеринках у Савиновых, и в поезде, когда Катя ехала из Царского Села после занятий в гимназии, и в семинарской церкви... В результате 10 октября 1917 года в Адмиралтейском соборе состоялось венчание Андрея Белоброва и Екатерины Савиновой. Бабушка рассказывала, что, когда они приехали из Павловска на Царскосельский вокзал (теперь Витебский), им была подана карета, чтобы ехать на венчание в храм. Вдруг колеса у кареты отвалились, и молодым пришлось всю дорогу, находясь в карете, бежать за лошадьми. Мне кажется, что был даже бабушкин рисунок на эту тему — карета и четыре ноги вместо колес. Конечно, выдумка. Но в детстве этот рассказ произвел на меня неизгладимое впечатление!

КАТЯ И АНДРЮША

Время, когда Катя и Андрюша поженились, было нелегкое, тревожное и голодное — 1917 год. Андрей служил старшим офицером на миноносце «Гайдамак», Катя работала в Магнитной метеорологической обсерватории в Павловске наблюдателем. Жили они формально в Павловске, но дедушка там почти не бывал из-за работы. Поэтому, когда была возможность, бабушка ездила к своему мужу в Гельсингфорс (так тогда назывался город Хельсинки) или Або (сейчас — город Турку), в зависимости от того, где стоял дедушкин корабль.

Отпускное время Андрюша с Катей проводили в основном в Павловске, но в Петрограде (теперь это был Петроград!) тоже часто бывали. Бабушка рассказывала мне, как они ходили в Народный театр на «Евгения Онегина». Места их находились высоко, на верхнем ярусе, было очень-очень холодно, и все зрители сидели закутанными в пальто и шапки. Артисты тоже, видимо, мерзли — на ногах у Евгения Онегина были черные обмотки! А ноги у него были кривые! Бабушка так смеялась, что даже села на пол, чтобы не мешать другим зрителям наслаждаться оперой.

В 1919 году, 1 декабря, родилась Ира, их первая дочка — и моя будущая мама. Бабушка рассказывала мне, что они жили очень дружно и весело, несмотря на то что время было нелегким и питание скудным. Сахар тогда выдавали по талонам (может быть, и еще что-нибудь выдавали, но мне рассказывали только о сахаре), и Катя весь его отдавала своему любимому мужу Андрюшеньке. Он уже тогда вовсю занимался наукой, и бабушка считала, что ему просто необходим сахар.

В 1921 году, 29 июля, родилась Вера, вторая дочка. Дома ее называли Ляля. Забегая вперед, скажу, что до сорока лет она это как-то терпела, но потом начала бунтовать! Она была замдекана факультета иностранных языков Педагогического института им. Герцена. Когда ей звонили по телефону с рабо-

На берег. Рисунок
Екатерины Белобровой. 1914 год

С берега. Рисунок Екатерины
Белобровой. 1914 год

Автопортрет. Рисунок Екатерины Белобровой. 1918 год

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru